

АЛЕКСАНДР
КОНТОРОВИЧ

ИМПЕРЕЦ

ЖИВЫМ НЕ БРАТЬ
ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО!

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К65

Серия «БФ-коллекция»

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Конторович, Александр Сергеевич
К65 Имперец: Живым не брать. За державу обидно!: сборник /
Александр Конторович. — Москва: Издательство АСТ; Изда-
тельский дом «Ленинград», 2022. — 560 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-147345-7

Мир победившей демократии. То, о чем денно и ночью молятся её апологеты. Сбылась их мечта — Россия влилась в строй «продвинутых» стран. Но отчего же вдруг не наступили всеобщее благоденствие и процветание?

Почему жить стало хуже? Причём подавляющему большинству людей?

Но тех, кто осмеливается поднимать этот вопрос, ждёт крайне незавидная судьба. Таких людей называют «имперцами» — и при задержании их совершенно не обязательно брать живьем...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-147345-7

© Александр Конторович, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ЖИВЫМ НЕ БРАТЬ

Пролог

— И в заключение передаем сводку криминальных новостей, — миловидная дикторша на экране сменилась серьёзным на вид мужиком.

— Добрый вечер, дорогие телезрители! — хорошо поставленным голосом произнес тот. — К сожалению, не могу сказать, что этот вечер был для всех нас одинаково добрым...

На экране сменилась картинка — камера показала полуосвещённую улицу. На ней были видны несколько автомобилей. Рядом с полицейской машиной возвышался характерный фургон «помогальников» (так окрестили в народе вспомогательный корпус сил поддержки правопорядка).

Деловито сновавшие повсюду полицейские, казалось, совсем не обращают внимания на угловатые, закованные в сверхсовременную броню, безмолвные фигуры. Да, по правде говоря, они и впрямь были безмолвными. Я ни разу не мог вспомнить, чтобы они с кем-то общались. Русского языка они, похоже, не знали, во всяком случае — не разговаривали. А на все вопросы отвечали однообразно — вызывали условным сигналом по рации переводчика из местных, и он, как говорящая голова, отвечал за всех. А «помогальники» молча возвышались за его спиной, недвусмысленно покачивая стволами стрелково-гранатометных комплексов. Они почти никогда не вмешивались в действия полиции, но присутствовали практически всегда — их светло-серые фургоны можно было встретить абсолютно в любом месте.

Вот и сейчас они стояли по периметру площадки и, по-хоже, совсем не интересовались происходящим.

А полицейские деловито переворачивали тела, что-то подбирали с земли и фотографировали. Собирали оружие и, подойдя к большому ящику, картинно бросали туда калаша и пистолеты.

— ...Благодаря слаженным действиям полиции и сил вспомогательного корпуса, была пресечена очередная выходка криминалитета. Бандиты собирались совершить нападение на склад, принадлежащий компании господина Аكوпова...

На экране мелькнула вывеска, а по низу экрана ненавязчиво пробежала строка рекламы.

— Однако эта их попытка не привела к успеху. Прибывшим вовремя нарядом полиции было предложено нападавшим сложить оружие и прекратить противоправные действия. Они отказались и открыли огонь. Бандитам удалось легко ранить двоих полицейских...

Камера крупным планом показала врача, бинтовавшего руку коренастому парню в синей форме.

— ...Ответным огнем стражей порядка нападавшие были блокированы, а их автомобиль — повреждён...

Крупным планом — пулевые пробоины в капоте старого «УАЗа», разбитые стекла в водительской двери.

— ...Благодаря своевременной поддержке сил вспомогательного корпуса, быстро прибывшего на место происшествия...

Ну, а как же! «Помогальники» *всегда* приезжали вовремя. Послушать диктора — так они были чем-то сродни Бэтмену — только он ухитрялся узнавать о преступлении ещё до его совершения. Во всяком случае, так показывали в кино, сейчас шла уже сто тридцать восьмая часть бесконечного сериала.

— ...Ответный огонь преступников был подавлен, и все они погибли на месте преступления. При изучении тел погибших было установлено, что все они являлись бывшими

военнослужащими Российской армии, недавно уволенными в запас. Их имена...

На экране появилось фото улыбающегося парня лет двадцати восьми.

— Мареулов Константин Викторович...

Встаю и достаю со шкафа хитрое приспособление. Две изогнутые трубы, соединяясь, образовывали фигуру, отчасти напоминавшую букву «С». Снаружи они были обклеены звукоизолирующей массой, а на торцах имели пористые кольца из губчатой резины. Прикрепив оба торца трубки к динамикам, вставляю в отверстие ещё одну трубку. Её конец притягиваю проволокой к решетке телевизора около выключателя. В комнате сразу же стало тише, громкий голос диктора еле пробивался через звукоизоляцию.

— То-то же... — бормочу себе под нос, наблюдая дело своих рук. — Сам себе мозги и вправляй...

Слушать далее было совершенно необязательно. Я и так знал, что дальше расскажет благообразный мужик. Все новости словно бы шлепали под копирку. Всегда бдительные полицейские быстро засекали преступников. Тотчас же появлялись «помогальники», которые их моментально «нейтрализовывали» (по-русски говоря, расстреливали). И в большинстве случаев бандиты оказывались бывшими военнослужащими. Дальше шли фрагменты интервью с их соседями, которые хором выражали своё праведное возмущение... И прочая белиберда. Слушать это было невозможно. Но выключать телевизор — себе дороже.

Данная операция, при всей своей кажущейся бессмысленности, имела целью запудривание мозгов властям.

Почему им?

Да потому...

Телевизоры нынче поставляются бесплатно — в рамках программы повышения культурного уровня населения (максимально возможного оболванивания, подгоняющего всех телезрителей под один стандарт мышления). Выключать его можно только на восемь часов в сутки — подраз-

умеается, что в это время я сплю. Если же он не будет включен ещё час — счет за электроэнергию вырастет. Ещё час — снова рост. А она нынче дороговата... Зато, когда телевизор работает, счетчик минусует столько электроэнергии, сколь сожрал вопящий ящик. Сжег телевизор киловатт — счетчик минусует его и ещё один к нему добавляет. Итого, для однокомнатной квартиры с холодильником и микроволновкой месячный счет выходит около пятидесяти рублей. А вот если зомбоящик выключить... от пенсии не так уж много и останется.

Сначала мы попросту выключали звук, а экран завешивали тряпкой.

В телевизоры добавили датчик освещенности и микрофон, оценивающий уровень звука в помещении. Причем не какого-то постороннего звука, а голоса диктора. Не просекшие этой уловки тотчас же получили нехилые счета за свет.

Но хитровывернутая народная мысль родила вот такое приспособление — «затыкалку». И теперь вопли динамиков прямо переадресовывались микрофону. Пока это работало. А на экран можно и не смотреть — привыкаешь...

А что на него смотреть?

Каждый день — одно и то же. Всемерное торжество демократии и всеобщее умиление народа. Жутко довольные молодые ребята, веселящиеся в ночных клубах и на модных вечеринках. А что ж не веселиться? Кредит ноне доступен с шестнадцати лет, согласия родителей на это не требуется. Место работы можно и не иметь, дадут и так. Правда, с одним ограничением. Под кожу берущего вживляется микрочип, хранящий все данные о хозяине. В этом случае даже скидку дают — пять процентов! До фига... это, смотря сколько берёшь. И продляют охотно, даже задержки небольшие прощают. Клёво!

Ну, это опять же, как глянуть. Я вот попробовал...

Нет, дали-то быстро, хотя и покривились, что от чипа отказался. Но рогом переть не стали — не хочешь, ради бога. Будешь больше платить.

Собственно говоря, я рассчитывал быстро эти деньги от-
дать. Запасы кое-какие были, опять же — и работа имелась.
Так что шанс присутствовал. Ага, пока я эти деньги не взял.

Дали их на десять лет. Удивились, когда я попросил
пункт о досрочной выплате указать — нет его в стандарт-
ном договоре. Уж этот парень, что из банка, так меня ула-
мывал... даже скидку пообещал. Аж на полтора процента!
Ну, тут я уже уперся — мол, иначе брать не стану. Ладно...
подписали договор, на мою социальную карту занесли —
теперь это документ! Паспорта у нас уже года два как от-
менили, разве что в глубинке кое-где остались... Всего два
документа ныне у нас. Удостоверение личности и соци-
альная карта. По ним теперь все дела и ведут. Очередей
нет — сунул в считыватель карту и жди, когда тебя вызо-
вут. Правда, могут вызвать и не сегодня. Такое тоже слу-
чается. Я вот как-то неделю ждал... Но дождался, просьбу
свою девушке симпатичной изложил — и получил отказ.
Быстро и без проволочек.

— Вы не обладаете должными навыками для того,
чтобы заниматься выращиванием сельскохозяйственной
продукции, господин Волин. Не проходили профильного
обучения и незнакомы с применяемыми в этой области
стандартами. Сожалею, но вам отказано.

— Что за чушь?! Картошку и морковку растить — те-
перь учиться надо?! Да я её всю жизнь растил на огороде!
И ел!

— И дальше есть можете. Сами. Но продавать — нет.
Мы не можем ставить под удар здоровье потенциального
покупателя. Времена кустарей-одиночек прошли. Сами
себя вы имеете право кормить хоть опилками — свободный
человек свободен во всём! Но вот других людей... Увы, это
противозаконно. Ваша продукция не прошла контроля ка-
чества, не получила нужный сертификат...

— А если я это ваше обучение пройду?

— Лица старше тридцати лет к данной программе не до-
пускаются. У вас сильная профессиональная деформация.

— Да ладно! Я и в сорок с парашютом прыгал — чай, учеба ваша — не сложнее прыжка станет?

— Лица, подвергавшиеся повышенным физическим и психологическим нагрузкам, связанными со службой в русской армии, являются ограниченно годными к такому обучению.

Да робот она или кто?

Такие вот миловидные девушки в большом количестве возникли почти во всех социальных учреждениях. Как-то очень быстро и почти одновременно. Они заменили собою пожилых теток, привычно сидевших на своих местах многие годы. По телевизору сообщили, что это братская поддержка от европейских народов изголодавшейся России. Ну да, большинство этих девиц было из Прибалтики, Польши, ещё откуда-то... Так что на все местные обычаи и прочее им было начхать с высокой башни. Да и наша молодежь на эту непрестижную работу не очень-то и шла. Министр социального развития, глядя с экрана добрым взором, поведал нам о том, что подобным образом будут разорваны и уничтожены все коррупционные схемы, каковых в данном министерстве хватало. Разумеется, до его появления на этой должности.

Ну, а то, что за столь «вредную» работу в такой отсталой стране им полагались нехилые льготы и прибавки — вполне естественно. Только вот никого об этом особо не оповещали — не та тема, неинтересно...

В общем, разрешения на торговлю я не получил.

И как-то так совпало, что стоило мне внести в банк первый крупный внеочередной взнос на погашение кредита, меня внезапно вызвали к управляющему нашей конторой. Мужик это был, в принципе, неплохой. Ещё из старых, оттого и не научился врать беззастенчиво. Крутить и вертеть он не стал и прямо заявил, что я уволен.

— С какого рожна, Виталий Степанович?

— Сверху указилвка пришла.

— Ко мне что — претензии есть? Машину плохо вожу?
Аварию где-то сотворил и сбёг?

— Нет. Такого ничего не было.

— А что было?

Он оглядывается и встаёт со своего места. Подходит ближе.

— Нефиг выпендриваться было, Михал Петрович! Все кредиты вовремя отдают, процент положенный платят... А тебя куда понесло? Вот и делай выводы!

Всю эту хитрую механику мне чуть позже разъяснил Толян. Он вообще мужик умный, с головою дружит, и язык у него подвешен здорово.

Я очень хорошо помню, как впервые с ним познакомился...

— Восьмой, приготовиться, — пискнула в наушнике радиостанции. — Четвертый, доложить о готовности.

— Четвертый готов! — нажимаю клавишу передатчика. — На позиции, объект вижу.

Мы все лежим в развалинах старого цеха. Полуразрушенные стены хорошо скрывают спрятавшихся в траве бойцов. Если смотреть со стороны, то заметить нас можно только подойдя вплотную. Хаотическая мешанина из обломков конструкций, пустых железных шкафов и каких-то старых механизмов кажется совершенно непроходимой. На первый взгляд, здесь могут пролезть разве что заводские кошки. Их в данном месте великое множество самых разнообразных расцветок. Один из них, рыже-полосатый котик, сейчас сидит в нескольких метрах передо мной. Греется злодей на солнышке. А мы все под этим солнышком просто потом истекаем. И глядя на него, откровенно завидуем. Он ведь не просто так тут сидит: лежащий справа от меня Мишка Капустин периодически подбрасывает этому проглоту кусочки ветчины из вскрытой банки. Оттого-то он и не уходит: кормится. А заодно играет роль успокаивающего фактора. Сидящий с этой стороны на крыше боевик в нашу сторону даже не смотрит. Ежу понятно, что любой, кто рискнул бы пробраться к зданию с этого направления, неизбежно спугнул бы кота. Вот поэтому мы кормим этого рыжего обжору.

Чего ради мы здесь загораем?

Да все просто. Мы лежим на территории городской станции водоснабжения. В здании перед нашим носом зашли боевики. Их порядка двадцати человек. И они требу-

ют, чтобы сюда доставили двоих их соратников, которых задержали пару дней назад при попытке установить мину на железной дороге. Схватить их удалось в буквальном смысле слова за руку прямо в момент закладки фугаса. Один из них оказался давно разыскиваемым злодеем, так сказать, их патриархом минного дела. Понятно, что проигнорировать его задержание и неизбежную пожизненную отсидку боевики просто не могли.

Вот и завалился их отряд на станцию водоочистки. Перебили немногочисленную охрану, как раз перед этим лишённую автоматического оружия по указу сверху, и заминировали баки с хлором, пообещав рвануть все это хозяйство и затопить ядовитым газом близлежащие жилые кварталы. Сейчас там потихоньку эвакуируют жителей из домов. Потихоньку из-за того, что на крыше цеха торчит боевик с биноклем, время от времени оглядывающий жилые дома. Они сразу предупредили: заметят вывод людей — взорвут баки немедленно. Вот и проявляют местные опера чудеса изворотливости, вытаскивая людей под прикрытием окрестных строений. Боевики, должно быть, немало бы удивились тому, что совсем недалеко от позиции их наблюдателя абсолютно аналогичным делом занимается и наш боец. Он тоже просматривает в бинокль окрестные дома, чтобы вовремя заметить мелькнувших где-то людей. Совсем нейтрализовать хождение мы не можем, это понимают и боевики. Как ни удерживай людей внутри помещений, но при получении известия о возможной газовой атаке они рванут напролом, и никакой кордон их не остановит. Опираясь на этот аргумент, руководство отказало боевикам в прибытии журналистов. Мол, пойдет информация в эфир, народ тут же ударится в бег. К чести боевиков, они этот довод восприняли правильно. Не стали орать и настаивать на своем требовании. На выполнение своего ультиматума они дали три часа. Именно столько времени заняла бы транспортировка самолетом задержанных лиц из областного центра.